

Прекрасная эпоха капитала

PIKETTY T. (2019). CAPITAL ET IDÉOLOGIE. PARIS: SEUIL. 1232 P. ISBN 978-2-02-133804-1

Николай Афанасов

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН
Адрес: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240
E-mail: n.afansov@gmail.com

В 2013 году блестящий французский экономист, профессор Высшей школы социальных наук и Парижской школы экономики Тома Пикетти опубликовал в авторитетном французском издательстве «Seuil» книгу с претенциозным названием «Капитал в XXI веке»¹. В 2014 году ее перевели на английский язык и издали в «Harvard University Press»². В том же году вышел немецкий перевод³. Спустя 146 лет после публикации важнейшего сочинения Маркса вновь стало возможным увидеть на полках магазинов слово «Капитал», отпечатанное крупным красным шрифтом. И вот уже более шести лет Тома Пикетти остается одним из самых известных, обсуждаемых и узнаваемых экономистов в мире⁴.

У нас до сих пор нет вразумительного ответа, почему именно этот труд Пикетти стал бестселлером. На первый взгляд его книга отнюдь не была обречена на успех, несмотря на известность автора в академических кругах. Тома Пикетти являлся лауреатом ряда престижных экономических наград и до публикации «Капитала в XXI веке», но за пределами академии широкой известности не имел. Огромные по объему издания, обильно снабженные статистическими выкладками, как правило, не становятся хитами продаж. Если ученые-экономисты хотят сделать свои идеи популярными, то они стремятся сформулировать и оформить свои идеи проще, опуская доказательную и эмпирическую базу, которая непонятна обывателю. Впрочем, к этой особенной страсти работ Пикетти по приведению обширного массива исторических данных мы еще вернемся. С позиции социального теоретика отметим, что если обращаться к значимым экономическим теориям, которые повлияли на социальную мысль, то окажется, что многие из них несли в себе вполне простую, а главное, понятную не владеющему математическим

1. Piketty T. (2013). *Le Capital au XXe siècle*. Paris: Seuil.

2. Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard: Harvard University Press. На русский язык перевод был выполнен также сравнительно быстро, в 2015 году. См.: Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem.

3. Piketty T. (2014). *Das Kapital in 21. Jahrhundert*. München: C. H. Beck.

4. Володин А. Ю. (2015). От «Das Kapital» к «Le Capital»: идеи Т. Пикетти в контексте историко-экономических исследований // Экономическая история. Т. 31. № 4. С. 21.

инструментарием обывателю идею⁵. Остается также нерешенным вопрос о том, явился ли «Капитал в XXI веке» открытием, или, лучше сказать, откровением, в области экономической науки⁶.

Сразу оговоримся, что исследования Пикетти не интересуют нас непосредственно с позиции экономической теории. Основные положения и значимые в научном отношении выводы книги «Капитал в XXI веке» могут быть сформулированы достаточно просто и в сжатом виде. К слову, самому Тома Пикетти удалось это сделать в небольшой статье. Во-первых, с его точки зрения, «„Капитал в XXI веке“ — это прежде всего книга об истории распределения доходов и богатства»⁷. Затем важную константу, которая стала известна как «неравенство Пикетти», он формулирует так: уровень доходности капитала, обозначаемый r , значительно выше уровня роста экономического развития, обозначаемого g . Иначе говоря, $r > g$ ⁸, или неравенство между богатыми и бедными необходимо возрастает с течением времени в силу природы самого современного капитализма. «Основной вывод Пикетти состоит в том, что эволюция доли доходов богатейших жителей развитых стран в национальном доходе выглядит примерно как буква U . <...> Иными словами, система работает в пользу наиболее богатых»⁹.

Экономическое доказательство для Пикетти не самоценно. Обширная статистика и проведенные исследования — в которых Пикетти помогала целая команда экономистов, социологов и статистиков, к которой принадлежали известные экономисты Эммануэль Сез и Тони Аткинсон, — даны лишь для того, чтобы выдвинувшее им правило не вызывало никаких сомнений. Только оттолкнувшись от его бесспорности и безупречной обоснованности, можно будет понять, что перспективы этого капитализма, который мы имеем сейчас, ограничены. Динамика роста разрыва между богатыми и бедными будет либо сохраняться неизменно высокой, либо ускоряться. Кратковременные периоды сокращения неравенства, которые мы наблюдали в XX веке из-за уничтожавших избытки капитала мировых войн, требуют дополнительных объяснений в каждом конкретном случае. Несмотря ни на что, отклонения от эксплицированной динамики не способны изменить общего

5. Ронкалья А. (2018). Богатство идей: история экономической мысли. М.: ВШЭ, С. 22.

6. См.: Миланович Б. (2014). Возвращение «патrimonиального капитализма» (О книге Томаса Пикетти «Капитал в двадцать первом веке») // Вопросы экономики. № 9. С. 127–144.

7. Piketty T. (2015). About «Capital in the Twenty-First Century» // American Economic Review. Vol. 105. № 5. P. 48.

8. Ibid. P. 49–50.

9. Шестаков Д. Е. (2016). О неравенстве исходов. Рецензия на книгу: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem // Экономическая социология. Т. 17. № 1. С. 101.

правила. Для спасения ситуации, которая может стать катастрофической¹⁰, в экономику должна вмешаться политика и налоговые регуляторы¹¹.

Вспомнить первую нашумевшую книгу Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» нам было необходимо для того, чтобы понять, чего именно хочет достичь автор своей новой работой 2019 года «Капитал и идеология», которая также обещает стать бестселлером. Во многом из примера успешной коммерческой судьбы «Капитала в XXI веке» (продано более 2 500 000 экземпляров) стало очевидным, что проблема неравенства и отсутствия перспектив по его преодолению является одной из ключевых в общественном сознании. В противном случае книга не имела бы такого успеха. В конце концов, надежда на то, что и бедные страны когда-нибудь — пусть и нескоро — тоже станут богатыми, теряет нечто сущностное, когда приходится столкнуться с мыслью, что неравенство в распределении богатства в этих странах все равно никогда не будет преодолено. Несмотря ни на что, в капиталистической логике оно лишь будет возрастать. Для развитых стран в этой формуле почти ничего не меняется. Пикетти, опираясь на данные статистики, констатирует, что «рост социально-экономического неравенства наблюдается практически во всех регионах мира на протяжении 1980–1990-х годов» (р. 14). Вопрос о справедливости существующей экономической модели выходит на первый план.

С точки зрения социальной теории, одним из важнейших предметов которой на протяжении последних полутора столетий является феномен капитализма, в работе «Капитал и идеология» Тома Пикетти совершает логичный переход от исторического описания экономического неравенства и сбора статистики к объяснению причин и устойчивости этого неравенства в распределении богатств. Недостаточно просто, пусть и исчерпывающе, описать положение дел, чтобы найти ключ к его изменению. Необходимо объяснить за счет чего подобное распределение богатств настолько жизнеспособно. Для Тома Пикетти ответ на эту загадку кроется в сфере культуры и идеологии. Парадоксальным образом в новой его работе идет речь о том, что с определенной долей иронии можно было бы назвать «идеологической логикой позднего капитализма». Для американского философа Фредрика Джеймисона «природа капитализма заключалась в следующем: в конце XX столетия отделить экономику от культуры было уже невозможно, потому что сама культура превратилась в неотъемлемую часть капиталистической

10. Мы пишем о том, что ситуация *может* стать катастрофической в будущем. Однако положение дел в некоторых странах мира уже близко к такому состоянию с точки зрения Тома Пикетти. К примеру, в исследовании уровня неравенства в России Пикетти с коллегами отмечают, что оно приняло особо экстремальные формы, которые угрожают экономике и благополучию страны в целом, не говоря о том, что существующее распределение богатства может быть понято как нарушение принципа справедливости. См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017). From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. NBER Working Paper, August 2017. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf> (дата обращения: 01.01.2020).

11. Piketty T. (2015). About «Capital in the Twenty-First Century» // American Economic Review. Vol. 105. № 5. Р. 52–53.

экономики»¹². Для Тома Пикетти природа сохранения неравенства, имманентно присущая капитализму, скрывается в идеологии. Для каждого исторического общества эта идеология будет своей. К примеру, «в современных обществах дискурс выстраивается вокруг права частной собственности, предпринимательства и меритократизма: современное неравенство справедливо, поскольку оно вытекает из свободного выбора в обществе, где каждый обладает равными возможностями доступа к рынку и собственности» (р. 14).

Очевидно, что и до того, как Пикетти опубликовал результаты своих новых изысканий в области культурной и идеологической природы легитимации неравенства, исследователями были предприняты попытки прочитать экономические предпосылки неравенства с позиции социальной теории и политической экономии. Собственно, сам Маркс прекрасно понимал, что капитал имеет свойство концентрироваться в руках все более узкого круга крупных капиталистов. В процессе накопления капитала прибавочная стоимость оседает в руках собственника средств производства. В конечном итоге капитал производит и воспроизводит сам себя. Если говорить о более современных теоретиках, обращающихся к вопросу, то Фредрик Джеймисон в работе 2011 года «Представлять „Капитал“: чтение Первого тома»¹³ пишет о том, что капитализм развивается по пути неравенства. На момент публикации статьи «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»¹⁴ в 1984 году 10% самых богатых американцев владели 37% совокупного дохода, к середине нулевых годов последняя цифра выросла до 50%, что позволяет говорить о том, что неравенство и его увеличение является сущностной характеристикой позднейшего мультинационального капитализма¹⁵.

Тома Пикетти совершенно не обращает внимания на существующую современную социальную и культурную теорию, занимающуюся теми же вопросами, что и он. «Капитал и идеология» практически не содержит обращения к ключевым источникам по проблеме. Возможно, подобный подход можно было бы простить сугубо экономической работе, которой являлся «Капитал в XXI веке», но для книги, содержащей в названии слово «идеология», подобная установка выглядит по меньшей мере спорной. Из привычных для социальной теории имен можно встретить лишь упоминание Пьера Бурдье. Композиция работы такова, что у неискушенного читателя может сложиться впечатление, что Тома Пикетти фактически создает новую область в социальной теории, проговаривая то, что до него никогда не было сказано. Характеризуя позицию Пикетти, британский социолог Майкл Буравой ставит его в один ряд, с одной стороны, с экономистом Джозефом Стиглицем, а с другой стороны, с Папой Римским и американским политиком Берни

12. Павлов А. В. (2019). Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело. С. 468.

13. Jameson F. (2011). Representing Capital: A Reading of Volume One. London: Verso.

14. Jameson F. (1984). Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. № 146.

15. См.: Michaels W. B. (2011). The Beauty of a Social Problem // Twentieth Century Literature. Vol. 57. № 3/4. P. 309–327.

Сандерсом¹⁶. Похоже, что со Стиглицем Пикетти роднит внимание к статистике и общая установка на описание феномена экономического неравенства, а с Папой Римским и Берни Сандерсом сильно выраженная риторическая позиция, которую с трудом можно называть строго академичной.

Пикетти использует метафору «La Belle Époque» для того, чтобы актуализировать свои выкладки. Идея состоит в том, что впечатляющие материальные и виртуальные воплощения развитого капитализма дарят современному человеку ощущение нескончаемого прогресса, безупречности и непогрешимости выбранной экономической модели. После падения конкурирующего социалистического лагеря, за которым последовали десятилетия экономического роста, постановку вопроса об альтернативах капитализму даже сложно себе представить. Тиражируемые визуальные образы китайских строек или американских небоскребов, которые отвечают на оптимистичные по своей природе чаяния людей, вводят нас всех в заблуждение. Экономическая статистика тем временем показывает, что в пропорциональном отношении простые люди, которых не просто большинство, но подавляющее большинство, становятся все беднее в этом новом прекрасном мире. Неравенство распределения благосостояния касается и богатых. Со временем мы будем сравнивать не 10% наиболее богатых с остальными 90% населения, но 1% самых состоятельных людей планеты с 99% оставшимися. Прекрасная эпоха предшествовала Первой мировой войне, но мог ли посетитель Всемирной выставки в Париже в 1900 году, предположить, что буквально через десятилетие мир изменится навсегда, погрузившись в ад Первой мировой? Прекрасная эпоха капитала длится вот уже полтора столетия, но значит ли это, что она будет длиться вечно?

Сразу стоит оговориться, что Тома Пикетти не видит альтернатив капитализму, продолжая опираться в своей мысли на известную формулу Фредрика Джеймисона: «Легче помыслить конец света, чем представить конец капитализма». В его экономической аргументации есть доля пренебрежения и, возможно, презрения к радикальным социалистическим проектам. В значительной степени такая позиция основана на том, что неравенство распределения доходов в социалистических странах после падения левых режимов становится даже выше, чем в развитых капиталистических странах. В книге «Капитал и идеология» один из параграфов отдельно посвящен посткоммунистической России. Сравнивая социалистический режим, который Пикетти характеризует как «общество малых грабителей», с посткоммунистическим устройством общества, экономист приходит к выводу, что институциональная структура, которая могла бы противостоять нарастанию уровня неравенства, в России отсутствовала. В результате социально-экономическая система превратилась в пространство свободного действия для олигархов и расхищения государственной и общественной собственности (р. 758). Подобная логика распространяется на многие в прошлом социалистические страны. В значительной степени внимание Пикетти к Восточной Европе и, в частности, России

16. Burawoy M. (2016). Sociology as a Vocation // Contemporary Sociology. Vol. 45. № 4. P. 390.

обусловлено тем, чтобы предостеречь мышление от обращения к ложным альтернативам. Социалистическая революция не сможет стать выходом.

Ход мысли Пикетти и критика им социализма могут запутать, поскольку, по его собственному признанию, он является сторонником разработки идеи нового партиципаторного социализма для XXI века. Обозначенная нами ранее и отдельно проговоренная Тома Пикетти в «Капитале в XXI веке» необходимость государственного вмешательства в экономику помещает его позицию в центр левого спектра политических идей. Однако мы должны понимать, что Пикетти говорит именно о разработке нового проекта модернизации капитализма, но не о реанимации старых социалистических утопий. Переход к новому социалистическому укладу капитализма должен быть осуществлен посредством трансформации самого развитого капитализма. Пикетти часто говорит о современном капитализме, как о «гиперкапитализме» (р. 15). Задача в том, чтобы перенаправить повсеместную трансформацию развитого капитализма в другую сторону.

Объем книги и ее сложная структура могут запутать и даже напугать любого читателя. К счастью, Пикетти снабдил книгу подробным оглавлением, которое поможет сориентироваться. Отметим также замечательный литературный стиль «Капитала и идеологии». Мастерски владея литературным французским языком, Пикетти удается умело упаковать огромный массив данных так, что он не утомляет читателя. Книга вполне доступна непрофессиональному экономисту. Остается лишь надеяться, что в переводе на другие языки динамика повествования и простота изложения сохранятся. В противном случае работа может просто оказаться непосильной для многих читателей. Помимо прочего, следует отметить, что не все главы и параграфы будут одинаково интересны. Это не значит, что какой-либо из них «лишний». Скорее наоборот, все они вписаны в логику изложения и аргументации. Но для общего понимания методологического замысла книги будет достаточно ознакомиться с обширным введением, разделенным на параграфы, с заключениями всех теоретических параграфов работы, а также с общими выводами книги, изложенными в заключительной части. Тем более что Пикетти имеет склонность неоднократно проговаривать и повторять уже высказанные ранее тезисы и возвращаться к своим ключевым идеям. Остальная часть материала, составляющая более двух третей от общего объема, имеет интерес для тех исследователей, которые предметно занимаются какой-либо из областей. Экономист или социальный теоретик, занимающийся изучением неравенства в России или динамикой экономического развития японской промышленности, сможет найти что-то интересное для себя. Повторим, подобно роли статистики и экономических показателей в «Капитале в XXI веке», эмпирический материал здесь имеет служебную функцию, служит иллюстрацией и подтверждением идеи автора.

Книга разделена на четыре большие части. Первая из них, состоящая из пяти глав, посвящена неравенству в исторической перспективе. В ней Пикетти приводит исторический анализ обществ с точки зрения распределения в них благосостояния. Главным образом экономист фокусируется на обществах, имевших

трехчастную сословную структуру. Сам Пикетти предвидит недоумение читателя, который хотел бы понять, зачем нужен столь обстоятельный анализ распределения благосостояния между сословием аристократов, духовенством и третьим сословием: «Многие могли бы подвергнуться искушению отвергнуть [проведенный анализ неравенства. — Н.А.], приписать его давно ушедшему прошлому, малоизвестному и плохо документированному, и, соответственно, малопригодному для понимания современного мира» (р. 87). Учитывая общую меритократическую установку современности, сравнение капиталистического общества XXI века с временами до Великой французской революции может оказаться оскорбительным для первого. Но Пикетти полагает, что это опасное идеологическое заблуждение. Во-первых, представление об отсутствии вертикальной мобильности в старых обществах ошибочно. Во-вторых, это представление рождает излишний оптимизм в отношении существующей вертикальной мобильности в современности (р. 87–88). В конечном итоге статусная принадлежность, имеющая отношение к происхождению, играет значительную роль в доступе к ресурсам и сегодня.

По объективным историческим причинам, дату которых Пикетти маркирует началом Великой французской революции в 1789 году, старый порядок пал. Начало современности в смысле социально-экономического распределения богатств было положено 4 августа 1789 года, когда Национальное учредительное собрание проголосовало за упразднение привилегий духовенства и аристократии (р. 144). Эти события породили новую структуру владения частной собственности, которая ляжет в основу капитализма. Французский опыт является для Пикетти архетипическим, поскольку лучше всего представляет те трансформации, которые будут происходить в других обществах впоследствии (р. 160). Частная собственность утрачивает свою привязку к функционированию верховной власти и системы статусов, становится делом частного лица. Старое общество обеспечивало богатство на основе статуса и социальных взаимодействий, которые этот статус делал возможным. Новый же порядок выводит на первый план предпринимательские способности частного лица (р. 162). Гарантом нового института частной собственности становится централизованное государство, чьи суды функционируют, руководствуясь универсальностью применимости права к гражданам государства. Социальный статус или богатство больше не играют решающей роли для суда. Пикетти отдельно подчеркивает, что это завоевание буржуазной логики следовало бы сохранять и в современности (р. 161), проведя ревизию его функционирования, которое было нарушено сосредоточением крупного капитала в руках подавляющего меньшинства.

«Опыт Великой французской революции дает нам более общий урок, заключающийся в следующем: исторические изменения происходят из взаимодействия между краткосрочной логикой политических событий и долгосрочной политико-идеологической логикой» (р. 160). Тем не менее политические события способны изменять идеологическую установку. Пикетти обращает внимание на некоторую непоследовательность взаимоотношений идеологии и реального положения ве-

щей. Образы политического формируются идеями, но только после реализации политических событий идеи обретают реальную силу. Примечательно, что сам Пикетти вполне открыто заявляет, что верит в то, что идеи обладают собственной, ни к чему не сводимой значимостью (р. 18). Их содержание не следует атрибутировать социально-экономическим состояниям.

Вторая часть «Капитала и идеологии» посвящена анализу исторического функционирования распределения богатств в рабовладельческих и колониальных обществах. В действительности, по ходу повествования Пикетти постоянно подчеркивает, что его схема и переход к особому виду института владения собственностью универсальны. Соответственно, необходимо продемонстрировать, как этот переход осуществлялся в не-западных обществах и странах. У Великой французской революции были предпосылки в виде существования третьего сословия. В той структуре обществ, которую выделяет Пикетти, таковые были и в Индии, и в России, и на Гаити, и во многих других странах. Любимым примером — наравне с Францией — для Пикетти является опыт Индии, к которому он часто обращается по ходу изложения. Дело в том, что кастовая система Индии, с точки зрения Пикетти, является самой древней и устойчивой на земле (р. 183). Соответственно, если и в Индии включается в работу логика капитализма и его особое распределение богатств, то лучшего доказательства существования вычлененной им логики капитализма просто будет невозможно придумать.

С точки зрения экономического неравенства рабовладельческие общества представляются экстремальной формой общественного устройства, поскольку помимо права на собственность привилегированный класс в ряде случаев владеет жизнью подвластного. Следует делать различие между самими рабовладельческими обществами. Есть общества, где есть рабство, но рабы не играют значительной роли в экономической жизни. А есть общества, в которых юридически отсутствует рабство, но в которых подневольные группы населения играют колossalную роль в национальном производстве. Пикетти настаивает на том, что примеры отказа от рабовладельческого порядка «в современности, которые произошли в Соединенном Королевстве в 1833-м, во Франции в 1848-м, в Соединенных Штатах в 1865-м и в Бразилии в 1888-м» (р. 276), то есть лишь в XIX веке, дают представление о том, как была буквально сакрализована частная собственность. Именно квазисакрализация частной собственности порождает современный мир (р. 277).

В общих чертах во второй части работы Пикетти изучает, как произошла трансформация рабовладельческих обществ в собственнические. Выбирая наиболее показательные примеры стран, которые либо находились в колониальной зависимости от европейских держав, либо имели значимый ограниченный в правах процент собственного населения, Пикетти показывает, что дистанция экономического неравенства в обоих случаях была сокращена до минимума к приходу современности. Это означает, что в наиболее крупных странах, которые принято относить к не-западным, капиталистический способ производства и хозяйствования одержал верх. Вслед за этим исторические формы неравенства в распределении

ресурсов переформатировались в логике экспансии капитала. К особенностям капиталистической модернизации относится то, что историческая политикио-идеологическая структура этих стран предоставляет большие возможности по поддержанию неравенства в обществе. Тем не менее вектор на глобализацию неравенства в логике капитализма, отмеченный Пикетти, продолжает играть свою роль (р. 523).

Третья часть книги представляет собой подробный анализ ключевых социально-экономических трансформаций XX века. Перечислять все из них в рамках настоящего изложения было бы невозможно. Изменения налоговых систем в разных странах, особенности мобилизационной экономики войны, преодоление национальных границ капиталом и многие другие важные изменения характеризуют этот период экономической истории. Объединяющей теоретической рамкой для Пикетти здесь становится представление о том, что великие трансформации XX века, с одной стороны, породили сам кризис капитализма как идеи. Это привело к появлению различных альтернатив, от попыток регулирования экономики до появления социалистического блока на карте мира. С другой стороны, изменился сам капитализм. Первоначально переход в «современность» сломал колоссальное экономическое неравенство, основанное на исторических привилегиях. На протяжении двадцатого столетия неравенство, наоборот, начало вновь возрастать.

Для нас наибольший интерес будут представлять результаты всех этих уже завершившихся процессов. Пикетти пишет, что глобализация, достигнув невероятных масштабов, поставила все страны мира в зависимость от современной капиталистической экономической модели: «Интеграция торговли, миграции и финансовой сферы уже в Прекрасную эпоху (1880–1914) достигли невиданного размаха. Величина человеческих и информационных потоков тем не менее приняла совершенно другое измерение в цифровой и гиперкапиталистической глобализации в период между 1990–2020» (р. 898). Те национальные особенности капиталистической модернизации (абсолютизация частной собственности, кейнсианские реформы и др.), о которых было упомянуто выше, играют все меньшую роль в современности. Перед лицом гиперкапитализации и цифровой глобализации у национальных экономических моделей все меньше шансов оставаться особыми. Не вынося никакого оценочного суждения в отношении этого обстоятельства, Пикетти переходит к тому, что волнует именно его: если мир становится все более единообразным в своем экономическом устройстве, то проведенный им анализ приобретает общезначимость.

Непосредственно переходя к современности, Пикетти пишет: «Актуальная меритократическая идеология идет рука об руку с дискурсом восхваления предпринимателей и миллиардеров. Некоторые даже считают, что Билл Гейтс, Джейф Безос и Марк Цукерберг сами изобрели компьютеры, книги, друзей» (р. 899). Эта часть книги особенно интересна для социального теоретика, поскольку Пикетти вынужден описывать историческое положение дел в культуре и идеологии, которое легитимирует неравенство. Француз пытается представить свой собственный анализ. Он достаточно незамысловат. Экономист указывает, что миллиардеры

стали частью популярной культуры, превратились в «идолов». Приводя примеры, он указывает на рефлексию вокруг предпринимательства и капитализма в фильме американского режиссера Ридли Скотта «Все деньги мира» (1973) или на изображение миллиардеров в книге «Воля и удача»¹⁷ мексиканского писателя Карлоса Фуэнтоса. Эта стратегия аргументации, с нашей точки зрения, весьма спорна. Сам Пикетти пишет, что присутствие крупных капиталистов в популярной культуре скорее ироничное. Мало где они всерьез изображены в качестве положительных персонажей. При этом нам известно о феномене «наивного голливудского марксизма»¹⁸ и традиции изображать крупных собственников не просто иронично, но как отрицательных персонажей¹⁹. В конце концов, Пикетти пренебрегает им же выбранным методом: приводит достаточно мало примеров и никак не обосновывает их репрезентативность.

Помимо массовой культуры, Пикетти также указывает на приписываемую миллиардерам филантропию, называя ее «филантропической иллюзией»: «иначе говоря, в эпоху, когда уровень государственного вмешательства и обязательных отчислений достиг неизвестных прошлому величин, в 1980–1990-е гг. идея, согласно которой филантропия (подразумевается частное и безвозмездное финансирование общих нужд) стала играть более важную роль, стала чем-то естественным» (р. 900). С точки зрения Пикетти, филантропия крупного капитала, даже не имея первоначальных стимулов (к примеру, налоговых льгот) для финансовых вложений в культуру и помощи нуждающимся, все равно окупает себя, поскольку создает положительный медийный образ миллиардеров в культуре. В конечном итоге филантропия работает на поддержание и консервацию сложившегося символического порядка, при котором постоянно повышается уровень неравенства. Интересно, что Пикетти указывает на тупик массового культурного воображения, в котором оказывается мышление, если перед ним поставить вопрос о том, что было бы, если бы миллиардеров и крупных капиталистов не стало. Экономист говорит о «страхе пустоты» в отсутствие альтернатив, который также укрепляет существующий порядок.

В последней части книги Пикетти представляет собственные соображения на тему того, что может послужить альтернативой сложившемуся глобализованному гиперкапитализму. Его целью становится определение возможностей перехода к партиципаторному социализму. Именно эта система способна спасти XXI век. В противном случае нашу прекрасную гиперкапиталистическую эпоху, столь благоприятную для капитала и его накопления, может ждать катастрофа. Кратко опишем, каковы предложения Пикетти. Он подчеркивает, что не следует рассматривать их как часть утопического мышления, прямо и неизбежно следующего из

17. Книга не переведена на русский язык. Издание на французском см.: Fuentes C. (2014). *La volonté et la fortune*. Paris: Gallimard.

18. См.: Павлов А. В. (2013). Славой Жижек извращает идеологию // Политическая концептология. № 1. С. 155–161.

19. Любопытно, что Пикетти, обращающийся к образу основателя социальной сети Facebook Марку Цукербергу, не пишет о фильме «Социальная сеть» (2010) режиссера Дэвида Финчера.

теории неравенства. Для Пикетти те меры, к которым он призывает, основываются на проведенном им анализе экономической истории: «Вся история элитаристских режимов показывает, что прежде всего социальная и политическая мобилизация, а также частные эксперименты позволяют изменить историю» (р. 1015).

Для поиска удовлетворительного вектора развития капитализма Пикетти дает базовое определение справедливого общества: «Справедливое общество — это такое общество, которое позволяет совокупности своих членов получать наиболее широкий доступ к базовым благам» (р. 1057). Социально-экономическая система в справедливом обществе должна обеспечивать сколь возможно высокий уровень доступа к благам для менее привилегированных членов общества, если это не идет в ущерб наиболее привилегированному членам общества. За этим абстрактным наблюдением скрывается та мысль, что десять наиболее богатых людей не пострадают даже в том случае, если их совокупное состояние уменьшится в десятки или сотни раз. Разница уровня потребления между обладателем одного миллиарда долларов и ста миллиардов долларов практически отсутствует, как неоднократно подчеркивает Пикетти. В своем определении справедливости Пикетти опирается на идеи Джона Ролза. В особенности интересен французскому экономисту «принцип различия», сформулированный в «Теории справедливости» в 1971 году: «*Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) был бы открыт всем*»²⁰.

Для реализации этой установки необходимы все те же меры, о которых Пикетти писал и ранее в «Капитале в XXI веке». Прогрессивное налогообложение остается ведущим принципом для проведения общественно полезных трансформаций. Соблюдение принципа демократии как участия в политической деятельности также не должно быть подвергнуто сомнению. Государственная политика должна быть выстроена в соответствии с принципами справедливости и максимизации минимума. Помимо прочего, Пикетти предлагает переосмыслить понятие национального суверенитета. Эта необходимость обусловлена тем, что богатые страны должны перестать капиталистически эксплуатировать бедные. Впрочем, указание на проблему не предполагает предложения путей ее решения. По меньшей мере в «Капитале и идеологии». В целом Пикетти указывает на то, что подходы экономической истории, в том числе и его собственный, весьма ограничены, поскольку в основном обращаются к примерам из истории США, Франции или европейских стран (р. 1118). Неспособность экономики как науки преодолеть неравенство в распределении богатства и построить более справедливое общество, чем сейчас, объясняется невниманием к социальным и гуманитарным дисциплинам (р. 1192). Непонимание исторического контекста и отсутствие ясного целеполагания у значимой части экономической теории вредят обществу в целом. Оказывается, что экономическая экспертиза, которая часто крайне ограничена, многими воспри-

20. Ролз Дж. (2010). Теория справедливости. 2-е изд. М.: ЛКИ. С. 66.

нимается как объективная реальность. Работа Пикетти призывает к тому, чтобы экономическая наука стала более комплексно подходить к своим задачам, ориентируясь на исторический контекст и представления о справедливости (р. 1194).

Сложно подвести однозначный итог нашему рассмотрению новой книги Тома Пикетти «Капитал и идеология». В книге представлен колоссальный эмпирический материал по экономической истории. Во многом он избыточен, если говорить о том, что сам Пикетти видел задачу своей новой книги в том, чтобы изменить экономическое мышление. Для профессиональных историков экономического развития стран, видимо, более уместными будут более «исторические» и специализированные исследования, не стремящиеся превратить историю в аргументацию своих теорий. Если отталкиваться от того, что именно добавляет «Капитал и идеология» к «Капиталу в XXI веке», то мы увидим, что значимо нового не так уж и много. Книги находятся в преемственности по отношению друг к другу. В действительности, уважая труд Тома Пикетти, следует сказать, что читать «Капитал и идеологию» целиком следует только в том случае, если вам удалось прочесть «Капитал в XXI веке», и это чтение доставило вам удовольствие. Во всех иных случаях имеет смысл подождать рецензий и обзоров на работу в профильных журналах по экономике и социальной теории, либо ознакомиться со многими публичными выступлениями самого Пикетти²¹. Возможно, сам Пикетти опубликует небольшую статью, где в сжатой форме изложит свои основные идеи.

Нашу неоднозначную оценку «Капитала и идеологии» во многом разделяет критическая пресса. Очевидно, что после головокружительного успеха «Капитала в XXI веке» от Тома Пикетти ожидали нового откровения или по меньшей мере работы того же уровня новаторства. На практике автору не удалось создать работоспособного сплава социальной теории, истории экономического развития и экономической теории, к которому он стремился. Показательно, что критические отклики на книгу преимущественно направлены против ее социально-теоретической составляющей²². С одной стороны, Пикетти упрекают в том, что его предложения слишком радикальны с политической точки зрения. И, по всей видимости, неосуществимы, если учитывать стремление капиталистической системы к самосохранению. С другой стороны, упреки слышны с позиции социальной и культурной теории: Пикетти не подвергает критическому рассмотрению не только предложенные им способы преодоления неравенства, но и саму эту необ-

21. Тома Пикетти активно принимает участие в дебатах, выступает с публичными лекциями, дает интервью. В контексте «Капитала и идеологии» может быть интересна его дискуссия с французским социологом, экономистом и философом Фредериком Лордоном, который критически относится к работам Пикетти. В живой дискуссии прекрасно видна историческая стратегия аргументации, к которой прибегает Пикетти. См.: Thomas Piketty — Frédéric Lordon, un débat de haut vol sur la propriété // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dDY3aczWOdo&list=PLcuSZ8UtOeeojW3yxj55iwp5BQ4BhFXEm&index=2&t=65s> (дата доступа: 05.02.2020).

22. См.: Pichet É. (2019). Débat: Les limites du «Capital et idéologie» de Thomas Piketty // The Conversation. <http://theconversation.com/debat-les-limites-du-capital-et-ideologie-de-thomas-piketty-123535> (дата доступа: 05.02.2020).

ходимость. Известный французский социолог Оливье Голлан, прочитав книгу Пикетти, так и не нашел ответа на вопрос, почему благополучие человечества зависит от высокого уровня равенства в обществе²³. Иронично, но Пикетти слишком мало внимания уделил фундаментальной теории и социальным и гуманитарным наукам, на которые он возлагает такие большие надежды и к занятию которыми призывает других экономистов. Вероятно, «Капитал и идеология» не повторит успех «Капитала в XXI веке», но кредит доверия, который есть у Тома Пикетти, и его невероятная работоспособность дают надежду, что в скором времени мы увидим еще один том за его авторством. Вероятно, в нем француз попробует четче сформулировать то, что ему не удалось в 2019 году.

С точки зрения современной социальной и культурной теории у работы множество критических недостатков. Если оставить в стороне основанные на исторической литературе подходы к изучению идеологических систем исторических обществ, то работа Пикетти с современностью и современной капиталистической идеологией не выдерживает критики. Самостоятельного и оригинального в его мысли чрезвычайно мало. Подчас, как с образами богатых людей в популярной культуре, его мысль непоследовательна. Сам Пикетти, стремясь уйти от математических абстракций в своих моделях о капитализме, очень мало говорит о самой сущности современного капитализма. Упомянутая цифровая природа гиперкапитализма и глобализации не получает никакой подробной трактовки. Вероятно, для того чтобы изменить капитализм и сделать мир более справедливым, нужно лучше понимать функционирование идеологии, феномены современной культуры и сущностные черты цифрового капитализма.

Тем не менее его экономическая аргументация может сослужить хорошую службу философам и социальным теоретикам, которым зачастую не хватает эмпирической базы экономических исследований. С нашей точки зрения, главным в рассмотрении Пикетти будет побуждение к поиску смысловых координат современного капитализма и социально-философских следствий неравенства. Необходима иллюстрация того, как позднейший мультинациональный капитализм функционирует в повседневности, как преумножает капитал. Социальная или культурная теория могла бы выполнить эту работу. Интересна была бы дискуссия Пикетти, к примеру, с Ником Срничеком, который размышляет о «капитализме платформ»²⁴, или с Джоди Дин, которая также анализирует экономическое неравенство с левых позиций, указывая на варварский характер современного капитализма²⁵. Размышления о капитализме и истории экономики прекрасны, утонченны и интересны всем, кто питает любовь к истории. Возможно, они чем-то напоминают размышления о просвещенной человеческой природе в Прекрасную

23. Galland O. (2019). Dans son dernier livre, Thomas Piketty va-t-il trop loin dans l'égalitarisme? URL: <http://www.slate.fr/story/182169/livre-thomas-piketty-economiste-capital-et-ideologie-essai-egalitarisme> (дата доступа: 05.02.2020).

24. См.: Срничек Н. (2019). Капитализм платформ. М.: ВШЭ.

25. См.: Дин Дж. (2019). Коммунизм или неофеодализм // Логос. Т. 29. № 6. С. 85–116.

эпоху. Однако, похоже, все мы заинтересованы в том, чтобы они перестали быть абстракцией и помогли нам справиться с тем, что в современной капиталистической системе $r > g$.

The Belle Époque of Capital

Nikolai Afanasov

Junior Research Fellow, RAS Institute of Philosophy

Address: Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation 109240

E-mail: n.afanasov@gmail.com

Book review: Thomas Piketty, *Capital et idéologie* (Paris: Seuil, 2019).